

Игорь Виняр

Вопрос формы

Игорь Виняр
Вопрос формы

«Издательские решения»

Виняр И.

Вопрос формы / И. Виняр — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506514-8

Старый профессор медицины Максим Исаакович Васерман возглавляет терапевтическую кафедру. Олег (клинический ординатор) является его помощником в мелких поручениях. Этажом выше заведует кафедрой нейрохирургии молодой и амбициозный профессор. Его гениальная идея насчет продления человеческой жизни в другом, молодом и здоровом теле вышла на финишную прямую. Осталось только найти донора. После события, описанного в первой главе, нейрохирург уже не сомневается, что именно Олег будет его правой рукой...

ISBN 978-5-00-506514-8

© Виняр И.
© Издательские решения

Содержание

ВОПРОС ФОРМЫ	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
Учёный муж	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	12
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	19
Глава 8	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Вопрос формы

Игорь Виняр

© Игорь Виняр, 2019

ISBN 978-5-0050-6514-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВОПРОС ФОРМЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Учёный муж

Глава 1

Профессор очень не любил, когда опаздывали на утренние пятиминутки. Это его раздражало. Чаще он отделялся пронзительно-уничтожающим взглядом в адрес опаздывающего. А когда на месте отсутствовало несколько человек, в том числе и доцент, он чувствовал себя просто обиженным.

Сегодня были все. Максим Исаакович неизменно занимал свое место возле окна. Вечно засаленные очки сидели на носу так, что больше он смотрел вверх очков. Ниже среднего роста, седой, сутулый, профессор вполне выглядел на свои 70 лет. Своей внешностью он производил отталкивающее впечатление. Справедливости ради он никогда не стремился произвести лучшего. Носил только то, что ему когда-то давно приобрела жена. Его демисезонная курточка с выцветшим беретом уже не выдерживали никакой критики. Но у него даже в мыслях не было что-нибудь сменить в своем гардеробе.

Рядом возле окна и тоже лицом к аудитории сидела заведующая отделением Людмила Степановна. Касаясь её внешности, нужно отметить полную противоположность Максиму Исааковичу. Очаровательная блондинка лет сорока носила всегда расстегнутый халат, позволяющий увидеть её красивое платье или блузу под цвет губной помады.

Она была уверена не только в своей внешности, но и в способности остаться на высоте в самых различных конфликтных ситуациях. Одно удовольствие наблюдать, как Людмила Степановна из обороны умело переходит в наступление.

Итак, началась обычная утренняя пятиминутка. Молодой ординатор встал, чтобы доложить о своем ночном дежурстве. Все знали о его авантюристических наклонностях и поэтому невольно были напряжены. Как оказалось, не напрасно.

– Вы помните, Людмила Степановна, что вчера в мою палату поступила бабуля 84 лет? Так вот, я её осмотрел, но у неё такой букет патологий, что его не впишешь ни в какой диагноз.

– И что же ты написал в истории болезни? – не столько с любопытством, сколько с издевкой спросила Людмила Степановна.

Олег знал, что на следующий день, так или иначе, сработает палочка-выручалочка. Или профессор, или доцент, или заведующий отделением будут делать обход его палаты и обязательно поставят диагноз. Именно поэтому в нужной графе он оставил место, чтобы заполнить его *post factum* в полном соответствии с мыслями его старших товарищей.

– Дело в том, что я не успел поставить диагноз.

– То есть как? – В этом вопросе заведующей уже явно слышалось ехидство.

– А так, что приехала дочь и забрала её домой.

Все присутствующие переглянулись. Максим Исаакович доселе равнодушный в упор посмотрел на Олега поверх своих очков. В его практике ещё не было случая, чтобы больную, почти умирающую старуху, забрали домой в тот же день, что и положили.

– Людмила Степановна, я не сделал ничего предосудительного. На момент, когда она начала агонировать (а это примерно в 23 часа) в палате была её дочь. Когда она поняла, что матери осталось жить несколько минут, её вопрос был естественным.

– Какой вопрос?

– Насчет вскрытия. Они там какие-то верующие и не совсем это приемлют.

– Ну и что ты сказал?

– Я сказал, что по закону, если больной умирает в больнице, то вскрытие должно производиться в 100%. А если дома, то на усмотрение родственников.

– И на каком юридическом основании ты её отправил?

– Я взял с дочери расписку-заявление примерно о том, что она просит забрать мать домой и в случае чего претензий ни к кому не имеет.

Вольно или невольно Олег становился героем дня. Завораживающие взгляды особенно молодых ординаторов так и пронизывали его. Все присутствующие понимали, что умерший отвозится в морг с готовым клиническим диагнозом, поставленным при жизни. И не дай Бог этот клинический диагноз не совпадет с патологоанатомическим, то жди разбирательств и нервотрепок в течение нескольких месяцев. А какой удар по престижу клиники и отделения! И вот чудо – все оказались вне удара.

– Ну и как же она уехала домой, на троллейбусе?

– Троллейбусы ночью не ходят, и поэтому я вызвал скорую.

– И как быстро она приехала?

– Она вообще не приехала. Я сдуру сказал, что она умирающая. На том конце провода отвисла челюсть и мне сказали, что скорая отвозит умирающих из дому в больницу, но не наоборот. Тогда я позвонил и вызвал такси. Теперь я был умней и не сказал, что придется везти агонирующую старушку. Через 10 минут такси было у порога. С дежурным медбратом мы снесли носилки прямо к машине. Так как мы несли старушку, а не труп, то пришлось нести головой вперед и на лестнице вольно или невольно голова оказалась ниже туловища. И это способствовало...

– Чему?

– Тому, что когда носилки поднесли к такси, она уже не дышала.

Все присутствующие ещё раз переглянулись. И все были рады, что сегодня никто из них не опоздал. Олег ждал вопроса насчет того, что было потом, но никто не решался его задать.

– А потом был мой вопросительный взгляд в сторону дочери умершей: продолжать реэвакуацию или...

И решительным жестом она отвергла всякие или...

Труп мы водрузили на заднее сиденье и придали ему сидячее положение. Дочь села рядом и стала придерживать...

– И как на это отреагировал таксист? – не выдержал Максим Исаакович.

– Таксист не знаю, но вот его ночная пассия, сидевшая рядом и вполоборота наблюдавшая за всем происходящим, так вот у неё дымящаяся сигарета вывалилась изо рта.

Глава 2

Профессор нейрохирургической кафедры Александр Иванович Горбась очень внимательно слушал Людмилу Степановну о том, что вчера произошло на их терапевтической кафедре. Красивый брюнет пятидесяти лет сейчас видел перед собой не пассивку, а потенциального партнера в его гениальных задумках. Он понимал, что одному ему не справиться, нужен помощник и не один.

– Как ты говоришь, зовут вашего молодого авантюриста, Олег?

Людмила Степановна кивнула головой.

– А что он собой представляет, откуда такой взялся?

– Хотя сам он местный, но взялся из сельского врачебного участка, где отработал три года после института. Не женат, довольно амбициозен, но при этом звезд с неба не хватает, так себе, середнячок...

При этих словах профессор от удовольствия аж поерзал в кресле. Это как раз то, что ему нужно.

– Слушай, Люда, организуй нам встречу. Только преподнеси ему так, что он больше заинтересован, а я как бы делаю ему одолжение.

– Мне не трудно, но зачем тебе это надо?

У Александра Ивановича от негодования блеснули глаза.

– Почему ты во мне видишь только любовника? Я, прежде всего ученый. И пока я относительно молодой, пока мои руки способны держать скальпель, я хочу свое имя оставить в истории медицины. Но, работая с крысами, в лаборатории, я своего добьюсь лет через сто. Но через сто лет мне будет сто пятьдесят, и я не успею насладиться результатами. Поэтому сейчас я буду идти на риск, если хочешь – на преступление. Но это от нас зависит, как это классифицировать: как преступление или как избавление от старости. И вот твой Олег со своими амбициями мне поможет. Его амбиции – мой талант. Ему я пообещаю, что его имя будет в соавторстве.

Теперь Людмила Степановна смотрела на него не как на своего красивого Сашу, а как на талантливого, дерзкого в своих планах, может даже гениального ученого.

На столе стояла бутылка коньяка и нарезанный лимон. Александр Иванович и Олег сидели напротив друг друга. Перед встречей профессор долго думал: то ли сразу брать быка за рога, то ли начать «прощупывание» издалека.

– Олег, я слышал, что Вы, уже, будучи врачом, делали попытку поступить в театральное училище?

– Я обычно это не афиширую, но раз Вам известно, то да, была такая глупость.

– Почему же глупость? Каждый человек себя ищет. Другое дело, что не всегда находит, но тут скорее зависит не от человека, а от того, как фишка ляжет. Ну и чем же закончилась Ваша попытка?

– Тем, что я сейчас сижу перед Вами и не в качестве Народного артиста, а в качестве... А я даже не знаю в каком качестве? Что за любезное приглашение с Вашей стороны, по какому поводу банкет? При этих словах Олег отхлебнул из своей рюмки.

– Так всё-таки что Вам помешало стать на путь, ведущий к Народному артисту? Если бы я был в комиссии я бы не оставил без внимания столь неординарную личность. Да, да, не улыбайтесь. Я с восторгом выслушал Ваши приключения с умирающей старушкой. Что ни говори, но Вы были на высоте.

– И Вы думаете, что этой высоты было бы достаточно для театрального? Им там смазливых подавай, и чтобы фамилия твоего близкого родственника была в энциклопедии.

Профессор посмотрел на собеседника и отметил про себя, что до смазливости и стройности ему далеко.

– А кто Вам сказал, что театральное – это единственный путь к известности? В отличие от Древнего Рима и даже в отличие от фашистских гетто Вы живете в современном мире, где каждый может начать с нуля, с чистого листа и добиться того, чего хочет. Ну, во всяком случае, почти добиться. И вот сейчас я Вас пригласил именно с этой целью.

Последовала пауза, во время которой профессор допил свою рюмку, наполнил обе и аппетитно закусывал лимоном.

– То, что я намереваюсь Вам предложить, пока абсолютно секретно. И если Вы в чем-то сомневаетесь или боитесь, скажите сразу. После посвящения Вас в суть дела отступать будет поздно. И в случае отказа Вы будете нежелательным свидетелем. Ой, как трудно быть нежелательным свидетелем. Лучше ему вообще НЕ БЫТЬ.

Но в случае, если с моей помощью, вернее под моим руководством Вы всецело реализуете свой организаторский талант, свой авантюризм в лучшем смысле слова, то чем Бог не шутит, может и Ваше имя будет в энциклопедии.

Олег допил свою рюмку, налил и снова выпил. Непонятно от чего у него покраснелось лицо: от коньяка или от предвкушения чего-то великого.

– Так быть или не быть?

– Я должен подумать.

Глава 3

В обязанности клинического ординатора кроме всего прочего входит подготовка профессора к лекции. Сейчас Олег развесил на доске таблицы и возле кафедры положил указку с мелом. Зашел Максим Исаакович, аудитория встала и после определенного жеста села на свои места.

– Староста, если не знаете точно, то скажите примерно, сколько студентов присутствует?

– Думаю, что около сто пятьдесят.

При этих словах профессор аж скривился.

– Запомните, молодой человек, самый высший критерий грамотности состоит в том, как человек умеет склонять числительные.

– На лекции присутствует около ста пятидесяти человек.

– Садитесь.

Лектор достал из кармана халата засаленные очки, надел их, тут же снял и положил возле себя. Сухим невыразительным голосом он произнес:

– Сегодня мы поговорим об инфаркте миокарда и о том, что ему предшествует. Все вы знаете, что примерно в половине случаев инфаркту предшествует приступ загрудинной боли. Его можно назвать приступом стенокардии или, что, то же самое, приступом грудной жабы. Если на вопрос: где у вас болит, больной показывает одним пальцем, то это всё что угодно, но не стенокардия. Но если он укажет на боль всей ладонью, то срочно ему под язык нитроглицерин. Запомните, нитроглицерин – единственное лекарство на планете, которое с самого начала, с момента его открытия являло собой абсолютное совершенство. Через тысячу лет лучше всё равно не придумают. И чем раньше больной воспользуется нитроглицерином, тем больше вероятности, что дело до инфаркта не дойдет. Человек, склонный к приступам должен иметь эти маленькие таблеточки везде с собой: в поезде, на работе, под подушкой, в туалете и даже в кармане фрака при вручении ему Нобелевской премии.

Несмотря на то, что Олег любил слушать профессорские лекции – живые, наглядные, неординарные, сегодня он почти всё пропускал мимо ушей. Он смотрел на Максима Исааковича, и его посещало двойственное чувство. С одной стороны, он очень уважал своего шефа. Подумать только: имея колоссальный клинический опыт, он диагноз рака легкого ставил только по одному взгляду больного, по цвету его глаз. Он в совершенстве знал четыре иностранных языка: английский, немецкий, французский и иврит. Польский и испанский – со словарем. Тему своей докторской диссертации он выбрал не ту, где у любого диссертанта был бы беспроблемный вариант, а ту, где пришлось сильно потрудиться, напрячь весь свой интеллект и работоспособность. И при этом он воспитал достойного сына, который в литературно-поэтических кругах уже набирал обороты.

А с другой стороны, кого он перед собой видел: сгорбленного, обрюзгшего старика, который не умел брать презенты ни с больных, ни со студентов, который лаборантку посылал за печеньем к обеду и давал ей ровно столько копеек, сколько это печенье стоило. Редко пользовался такси – всё больше общественным транспортом.

Олегу стало не по себе. И при таком уме – такая серая жизнь?! Тогда, что говорить обо мне с моим скромным умишком, но зато с большой ленью. Нет, я не хочу всю жизнь ездить в троллейбусе и жить от зарплаты до зарплаты. Когда профессор умрет, кто его вспомнит через год? Чтобы оказаться в энциклопедии он физиономией не вышел. А вот я окажусь, и без знания английского. Надо только оказаться в нужное время в нужном месте. И я, кажется, уже знаю, где это место.

Глава 4

В доме №7 по Парковой улице жила вполне удачная счастливая семья. Главой этой семьи был отец – Бойко Павел Петрович. Во всем его облике царила уверенность, комфортность и обеспеченность. В свои 40 он уже четыре года возглавлял фирму по продаже компьютеров и другой бытовой техники. В свое время после окончания института он быстро попал в нужную струю и в основном благодаря удачной женитьбе. Светлана Викторовна была не просто дочерью богатых родителей. При своей физической привлекательности ей бы делать карьеру в кино. Но она уродилась исключительно домашней, теплой и уютной. Здоровье их детей составляло её абсолютное счастье. Правильно говорят, что когда дочка похожа на отца, а сын похож на мать, то это залог всего хорошего, что у них предстоит в жизни.

Роману недавно исполнилось 15. От отца он взял высокий рост, стройную фигуру и физическую выносливость. Мать его наградила светло-русыми, почти белыми вьющимися волосами, огромными черными ресницами и яркими сексуальными губами. И если старший брат был совершенно равнодушный к своей внешности, то младшая двенадцатилетняя сестра уже начала заглядываться на мальчиков и порой жалела, что красавчик, которого она видела каждый день, её родной брат.

– Рома, Юля, сейчас папа поедет на работу, быстрее, он вас подвезет в школу.

– Я пешком, мы с ребятами договорились.

– А я поеду – Юлька шмыгнула на заднее сиденье «Мерседеса» и захлопнула дверь.

Первый урок в 9- «В» был русский. А если точнее – сочинение на тему: «Кем я хочу стать». Прозвенел звонок, началось творчество... Большинство одноклассников заранее продумали свою позицию и сейчас строчили, чтобы успеть.

Еще вчера Роман знал, что будет программистом, что компьютер – это настоящее и будущее человечества. Он уже взял ручку, но тут же её положил. Весь класс знал, кто из них кем будет и о чем сейчас будет каждый писать. Как это предсказуемо и скучно. Как это модно, а, следовательно, банально. Да, я буду программистом, но сейчас я напишу совсем о другом. Пусть будет интрига, пусть будут разговоры, пусть будут вопросы.

Итак, о чем написать? О карьере военного, о перспективе стать конструктором? А, может быть, политиком? Но никого, кто бы работал по этим специальностям, он не знал лично. Когда с кого-то копируешь, легче писать. И тут Роман вспомнил, что на прошлой неделе у них была медицинская комиссия от военкомата, где его смотрели несколько врачей и нашли его абсолютно здоровым. Значит решено. Он медик. Более того – светило в медицинской науке. И к концу урока было написано такое, если можно сказать, убедительное сочинение, что оно окончательно решило его судьбу, трагическую судьбу...

Глава 5

Профессор Горбась сидел в своем кабинете напротив Олега и предвкушал свою победу.

– Вы правы Александр Иванович, человек настолько хрупкое и недолговечное существо, что надо спешить. Если в тебе кто-то видит потенциал, надо его скорее реализовать. Я ещё не знаю Ваших грандиозных планов, но я знаю Вас. И если Ваш неисчерпаемый опыт соединить с моим усердием, то выиграют все. Цель оправдывает средства. Победителей не судят.

Александр Иванович, глядя на собеседника, подумал: «До чего же неприятная личность. Из грязи в князи. Палец о палец не ударил, а смеет мечтать об энциклопедии. Но придется себя перебороть. Как бы там ни было, а порядочный человек с моей идеей не согласится».

– Вы правильно сделали, что все-таки пришли ко мне. Как Вы считаете, сколько человек может прожить?

– По-моему, мировой рекорд около 130 лет.

– Да, Вы почти правы. Но если учесть, что после восьмидесяти, даже если человек в состоянии сам за собой ухаживать, это уже не жизнь. Или ноги не ходят, или руки трясутся, или маразм посещает, или всё вместе взятое. Даже когда Мюллер говорил, что 70 лет – возраст расцвета политика, он бравировал. Редко кто после семидесяти способен испытывать все человеческие радости, даже если его Бог наградил относительным здоровьем.

– Так зачем Вы стараетесь побить 130 летний рекорд, если и до ста всё так мрачно? Как там, в философии – переход количества в качество. Количество славных лет в плохое качество.

– А кто Вам сказал, что я мечтаю о плохом качестве? Как говорили великие: «Будущее принадлежит медицине предупредительной». Так вот, я и хочу не допустить того, что должно быть после семидесяти лет. Только сделать это не терапевтическим путем с помощью таблеток, а хирургическим, с помощью скальпеля.

Олег застыл в недоумении.

– Что же Вы собираетесь отрезать или пришить?

– И отрезать и пришить! В начале двадцатого века во Франции жил и творил ученый физиолог по фамилии Фурье. Путем очень остроумных опытов он определил один сногшибательный факт. Но так как мир был погружен в пучину первой мировой войны, то это открытие осталось незамеченным и затерялось на полках истории. Сейчас любой мало-мальски грамотный человек знает, что всё, что связано с памятью, интеллектом, характером и поведением заложено в коре головного мозга, а если точнее в сером веществе. На самом деле, так сказать, – это значит пальцем ткнуть в небо. В черепе в затылочной области есть бугорок, который по латыни называется *protuberantia oхурipitalis externa*. В народе его называют математической шишкой. Так вот, на 3 сантиметра левее и затем на 1,5 сантиметра выше и находится эпицентр. Именно в этом месте участок серого вещества размером в 4 квадратных сантиметра и содержит 99 процентов информации, составляющей всю человеческую сущность.

– Я всё понял. Значит не надо пересаживать всю голову от донора к реципиенту – достаточно пересадить этот крохотный участок. Александр Иванович, Вы меня извините, хоть я и не хирург и не невропатолог, но я всё-таки знаю, что пересадка мозга или даже крохотного участка мозга невозможна в принципе. Отрезав подходящие и отходящие нервные волокна, их невозможно пришить как сосуд или сухожилие.

– Молодой человек, Вы начинаете меня приятно удивлять. Вы не обижайтесь, но я почему-то был уверен, что Вы этих нюансов не знаете.

Олега посетила довольная улыбка. С минуту он упивался собой.

– Но, Вы забыли тему моей докторской диссертации, где я доказал, что с помощью дозированного лазера в сочетании со специальным белковым препаратом уже через 5 дней насту-

пает восстановление нервной проводимости. А это означает, что наш маленький участок серого вещества, изъятый из старого тела, успешно приживается в новом, молодом теле.

Олег вдруг проникся двойным чувством: в сопричастности к чему-то великому и одновременно к чему-то ужасному.

– Да, но ведь это, как бы деликатней выразиться, а, впрочем, к черту деликатность – ведь это двойное убийство.

Наконец нейрохирург подвел собеседника к самому главному. И теперь предстояло самое трудное – доказать, что убийство в одном понимании, не есть убийство в другом его понимании.

– Вот представьте себе, живет старый больной человек. Он живет и прекрасно понимает, что сегодня он ещё живет, а завтра «БАЦ» и – здравствуй, вечность! И тут ему предоставляется уникальная возможность родиться заново, только не с нуля, а лет, эдак, с 15 – 20-ти. И не в своем теле, а в чужом, молодом и красивом. От него старого останется только ум, память, характер, привычки. Разве это не то, о чем мечтает человечество с момента своего зарождения? И если у этого старика мы украдем несколько дней или даже лет старой никчемной жизни и подарим ему новую жизнь в совершенно другом качестве, то какое же это убийство?

– Хорошо, с этим я не просто согласен, а абсолютно согласен. А вот как насчет донора? Одно убийство все-таки остается.

– И здесь Вы не правы. Вспомните террористов-смертников. Они отдают свою жизнь так легко, что нам этого никогда не понять. А теперь вспомните, какой процент населения на Земном шаре живет не просто за пределами бедности, а в абсолютной нищете. Огромный процент. И вот один из таких молодых людей, который не видит никакой перспективы хотя бы наесться, он без колебаний продаст свою жизнь, чтобы обеспечить всю свою родню на долгие годы. Дико? Да, нам с Вами дико так рассуждать и так предполагать. Но от наших с Вами рассуждений мы ситуацию в мире не изменим. Любой здравомыслящий человек, который бы нас с Вами сейчас услышал, он был бы если не в шоке, то в ярости. Но, поверьте, когда так называемое донорство станет на поток, где будут покупатели и продавцы, то мировоззрение постепенно изменится. Двести лет назад никто не осуждал барина за то, что он несколько своих крепостных продал за одну собаку. Это было нормой. Так и в будущем. Меняется формация, меняются и человеческие представления о ценностях. Или взять хотя бы самоубийц. Если человек уже окончательно решил, и никакой психолог не в состоянии ему помочь, что праведнее?

Олег посмотрел профессору в глаза. Чего в них больше: алчности и цинизма или стремления к глобальным преобразованиям?

– Допустим, я согласен с Вами и в этом пункте. Ну не поедем же мы с Вами в Азию или Африку, где дети пухнут от голода? И не будем же давать объявление в газете с вопросом: «Кто собирается прыгнуть с девятого этажа»?

Вот тут в глазах собеседника Олега вспыхнул конкретный огонек азарта.

– А, что всё я, да я. Пора и Вам пошевелить мозгами. Когда дело станет на поток, запахнет миллионами. И Вы быстро вспомните о своем проценте. А сейчас я Вам советую пойти отдохнуть. От такого обилия информации не мудрено, что закружится голова.

Глава 6

Олег шел по улице в полном смятении. В его мозгу всё перевернулось: представление о жизни и смерти, о богатстве и бедности, о славе и забвении. Он подумал, что если сейчас не выпьет бутылку водки, то сойдет с ума. Но, придя домой, он ограничился одним стаканом и лег спать.

Утром проснулся, выпил кофе и зашагал в клинику. Всё было как обычно. Перед началом пятиминутки между ординаторами шёл оживленный разговор. Людмила Степановна, в яркой блузке под халатом, просматривала какие-то документы. За несколько секунд до восьми вошел Максим Исаакович. Олега на мгновение обдало жаром. Как он сразу не понял? Ведь Александр Иванович всем своим разговором и подводил его к мысли, что ВОТ ОН – идеальный объект. Планерка шла своим чередом, а Олег буквально впивался взглядом в своего шефа пытаясь представить его моложе себя.

На этот раз ничего экстраординарного не произошло. Произошло это немного позже. А сейчас Максим Исаакович поднялся со стула и сказал почти торжественно: «Сегодня я решил изменить тему лекции и вместо хронического бронхита будет час вопросов и ответов. Все, кто в это время будет свободен, могут прийти послушать». За множество последних лет профессор ни разу не отошел от графика ни на один сантиметр. Будучи педантом и одновременно человеком в высшей степени ответственным, он никогда не позволял себе подобных вольностей. Поэтому, когда началась лекция, в аудитории были и студенты, и все те, кто присутствовал на пятиминутке, а также сотрудники других отделений. Яблоку негде было упасть. На этот раз лектор был без своих засоленных очков, так как не собирался ничего читать. Он был в чистом накрахмаленном халате, в новой рубашке и, кажется, даже в новом галстуке.

– Дорогие друзья! Так случилось, что начальство запретило мне менять тему лекции и поэтому поговорим сейчас о хроническом бронхите.

Если сказать, что в зале произошел взрыв, то это не сказать ничего. Когда около двухсот человек ожидают сенсацию и эта сенсация рушится в одну секунду, то, образованные, интеллигентные люди превращаются в толпу футбольных болельщиков в самых не лучших своих качествах.

Когда волнения достигли апогея, профессор поднял руку и, наступила тишина.

– Я решил проверить, не ошибся ли я в сегодняшнем своем выборе. Понял, что не ошибся.

Последовала небольшая пауза.

– Когда человеку исполняется 70, он вправе поделиться не только своими мыслями, но и самым, что ни на есть, сокровенным. Если бы я сейчас стал говорить о хроническом бронхите, вы бы это помнили не дольше, чем до дня экзамена. Но если мы сегодня поговорим про другое, то сегодняшние двадцатилетние будут помнить эту лекцию и тогда, когда им будет 70. Поэтому прошу задавать мне вопросы отнюдь не только на медицинские темы.

Опять наступила тишина.

Все приготовились слушать, но никто не приготовился спрашивать. Обстановку разрядил Олег.

– Максим Исаакович, скажите, пожалуйста, Вам не страшно умирать?

В принципе, каверзные вопросы планировались, но не так сразу и не так остро.

– Очень страшно. Настолько страшно, что я стараюсь об этом не думать.

Из зала последовала реплика:

– А как же насчет бессмертия души?

– Чушь! Что такое душа? Это совокупность памяти, эмоций, характера, переживаний, вкусов и стремлений. И всё это базируется на функционировании нервных клеток в коре голов-

ного мозга. Жив мозг – есть подпитка. Теперь дальше. Допустим, но только допустим, что человек умирает, а душа где-то рядом. А если умирает месячный ребенок? У него что, есть душа, с памятью, эмоциями, переживаниями, интеллектом? Скорее, нет. А если умирает годовалый ребенок, и мы ставим тот же вопрос? А если трехлетний? Кстати, я себя помню с четырех лет. А кое-кто помнит с пяти. Так, где же граница? Вот до трех лет, девяти месяцев и шестнадцати дней души ещё не существует, а потом вроде как бы и есть. Вроде как бы можно и умирать. Или возьмем другой случай. Человек вот уже несколько лет находится в глубоком старческом маразме. Он не помнит не только о том, что такое любовь, и кто такой Наполеон, он не помнит своего имени и лиц своих детей. Единственное, что он умеет – это пользоваться ложкой. И что же, после его смерти душа тоже будет жить вечно? Душа, которая умерла ещё при жизни... И как душа может жить вечно, если возраст самой Земли ограничен? И не только Земли – всей Солнечной системы.

– Уважаемый Максим Исаакович, а как определить цену жизни? Как её определяли те, которые бросались на амбразуру, те, которые умирали в гладиаторских боях и те, которые в наши дни погибают при мафиозных разборках?

– Спасибо за вопрос. Это, пожалуй, и есть самый главный вопрос, на который надо дать самый главный ответ. Цена жизни бесценна. Когда смотришь гангстерские фильмы – серия трупов. Там сорвался с высоты, там взорвался в автомобиле, а там «положительный» герой одной автоматной очередью уложил десяток, так, между прочим. Кажется, что гибнут не люди в расцвете лет, а оловянные солдатики. А теперь вспомните фильм «Скалолаз», когда Сталлоне в своей руке держал над пропастью руку девушки. Как она его умоляла о своем спасении. В эти две последние минуты её жизни, когда она понимала, что это уже последние мгновенья, желание жизни было настолько велико, что если бы его, это желание, трансформировать в тепловую энергию, то эта энергия растопила бы льды Северного Ледовитого океана.

Люди тратят сотни тысяч долларов (если они конечно есть), чтобы ещё хотя бы один раз увидеть рассвет. Если родится такой Нострадамус, который напишет достоверную всемирную историю вплоть до конца цивилизации, то только в этом случае человеку, прочитавшему эту историю, будет не так обидно умирать. Но, как Вы все понимаете, такая книга, такая история из области фантастики. Одно утешает: нам, живущим в 21 веке, менее обидно умирать, чем тем, кто жил, скажем, 2000 лет назад. Что ни говори, а 80 процентов от максимальной цивилизации мы с вами застали: телевизор, телефон, компьютер, высадку на Луну и атомную бомбу. А вот рабы Древнего Рима даже во сне не могли предвидеть всего этого... Я вот сейчас подумал, а может и наоборот, им легче было умирать, потому что нечего было терять и потому что они верили в загробную жизнь? Как бы там ни было, но МОЯ жизнь дороже всего золота мира, дороже всех материальных ценностей, которые произвело человечество с момента его появления. Потому дороже, что с моей смертью Вселенная прекратит своё существование. И так должен рассуждать любой нормальный человек, подчеркиваю, нормальный. Потому, что работает самый мощный инстинкт – инстинкт самосохранения. А если природа и обделила кого-то этим инстинктом, то, как там говорил Горький: «Безумству храбрых поем мы песню».

– Уважаемый профессор, скажите, пожалуйста, что Вы, лично делаете, чтобы продлить свою жизнь?

– Любой образованный и мало-мальски уважающий себя человек, которому за 50, должен, по крайней мере, знать две цифры: уровень своего давления и уровень холестерина. И, разумеется, не только знать, а постоянно понижать их до нормы. Думаете, мне не хочется яичницы на сале, всего копченого, всего жареного и, при этом 0,5 водочки. Но за последние годы я себя приучил к умеренности, и, верьте – не верьте, но у меня нет ностальгии к обильным застольям. Если в молодости счастливые минуты я испытывал только в хорошей компании и, непременно, в лучах алкогольной эйфории, то сейчас я счастлив, хотя бы потому, что в свои

70 стою перед вами, а не погиб двадцатилетним в Афганистане. И ещё я счастлив от ощущения нужности. Если меня убедят в том, что от меня ничего не зависит, то я просто умру.

– А как же воспоминания тех, кто перенес клиническую смерть? – раздалась реплика из зала.

– Милостивый государь, не путайте клиническую смерть с биологической. Если в течение 6 минут возратить к жизни любого, то каждый скажет о каких-то коридорах, о каких-то свечениях в конце тоннеля и т. д. Но если Вы вернете кого-нибудь к жизни после 6 минут клинической смерти, то он не вспомнит ничего по той простой причине, что после 6 минут Вы не вернете никого. Нет живых нервных клеток, нет и их продукции в виде мыслей.

Только в одном случае не бывает у человека этих дополнительных шести минут – если он попадает в эпицентр большого взрыва, где от человека в одну секунду остается лишь клочок неорганической материи с набором некоторых химических элементов.

– Господин профессор, скажите, пожалуйста, только откровенно, Бог есть?

– Известна точная дата образования Земли – 4,5 млрд. лет назад. Ну, никак не 6 тысяч. Три миллиарда лет назад образовались первые микроорганизмы. Потом грянула эволюция, которая давала всё новые и новые, более сложные формы жизни. Потом некоторые из этих форм освоили сушу. 65 миллионов лет назад в районе Мексики упал огромный астероид, который уничтожил 80 процентов живых организмов, и, прежде всего, динозавров. Если бы не эта катастрофа, нас бы с вами не было. Динозавры до сих пор были бы хозяевами на планете. А так, появилась возможность для мелких млекопитающих, которые уцелели в норах, развиваться и не бояться быть съеденными. Развитие шло по нескольким направлениям. Одно из них в конечном итоге привело к homo sapiens.. Ну и вот куда здесь можно воткнуть Бога?

Даже если допустить, что жизнь образовалась не на нашей планете, а прилетела откуда-то из космоса (с метеоритами, кометами), то всё равно она образовалась из белков, а те из аминокислот, а те из углеродных соединений... Путём триллионных комбинаций, рано или поздно это произошло. Благо, в запасе были миллиарды лет.

Как далеко распространялось бы влияние Иисуса, если бы он действительно был? Только на Земле? А если мы колонизируем Марс или соседнюю Галактику? Кто там будет доминировать – Иисус, Аллах или Будда? Хорошо, допустим, Бог есть. Верующие молятся, носят крестики и просят: «Спаси и сохрани». Да сколько же можно просить... Если бы Он действительно спасал и сохранял, я бы стал верующим, как только научился говорить. Что мы видим. На всех каналах: убили хорошего человека, погиб знаменитый артист в автомобильной катастрофе, умирает невинное дитя от лейкоза. А взять историю. Сначала Сталин погубил миллионы (цвет нации, наш генотип), а Гитлер потом доконал. И что, все эти пострадавшие были неверующие? Не думаю. Так зачем самого себя обманывать или зачем себя успокаивать бесплодными фразами типа: хорошего человека Боженька призвал к себе. Там, значит, в раю, он нужнее.

Теперь про другое. Перед Пасхой, если благодатный огонь не зажжется, значит всем хана. Ну отчего же такая несправедливость? Ну ладно, пусть конец христианскому миру. А почему должны погибать все – мусульмане и другие? Они каким боком? Тут что-то не доработано. Если втирать мозги, то так, чтобы всё было логично и обосновано. А не так, как в анекдоте: сказано в морг, значит в морг. Почему наши прадеды придумали пост, да не один, а четыре? Да просто в те века 90 процентов населения жили очень бедно, многие голодали. И надо было хоть как-то оправдать этот голод. Когда постишься во имя кого-то, то вроде как-то и легче это все переносится. Как можно верить в одного и того же Бога хорошим людям, честным, трудолюбивым, искренним и плохим людям – жадным, черствым, недалёким? Это же лицемерие. Накопились грехи – надо сходить в церковь по воскресеньям и замолить. А потом по новой. Однажды, когда я жил в селе, где не было церкви, туда приехал батюшка (на один день). К нему потянулся народ. Пошла и моя соседка, старая девственница, божий одуванчик.

– Какие грехи за тобой, дочь моя? – Да не грешна я, батюшка. – Так кого лешего ты сюда приперлась? Вот такой был диалог...

Но больше всего меня удивляет мусульманский мир. Мы, православные, никому не желаем зла. Добрая половина этнических православных (да и этнических католиков) – атеисты. Мусульманин же становится верующим еще в утробе матери. Подумать только, весь народ, вся страна – верующие. Ну почему у этих людей нет свободы выбора, как у нас. Верить или не верить? И это не в средние века, а в космическую эпоху. Самое обидное, что все (христиане, атеисты и др.) автоматически становятся НЕВЕРНЫМИ, то есть, *persona non grata*, какой бы хороший, талантливый или гениальный ты не был. Так что же получается: чтобы обезопасить свою жизнь от террористов, надо принять ислам?

И последнее. Почему человек несуществующего Бога должен любить больше, чем себя? Бог, если он есть, то он вечен. Миллиарды людей и сотни будущих поколений будут ему поклоняться. На его долю обожания хватит с избытком. А вот моя жизнь конечна. Она уникальна. Я себя должен любить так сильно, чтобы потом, умирая, не было мучительно больно, что я себя не долюбил.

Лектор многозначительно посмотрел на часы. Его время вышло. В принципе, он сказал всё, что хотел. Всё выстраданное и наблевшее. Он подвел черту. Максим Исаакович вдруг вспомнил Сталина. Когда ему принесли телеграмму о смерти Троцкого в Мексике, то, казалось бы, надо радоваться – ликвидирован последний претендент на «престол». Но почему-то радости не было. Наступило опустошение и разочарование – если не с кем бороться, зачем тогда жить? Но, у Сталина это была мимолетная слабость. Она быстро прошла. Такая же, мимолетная, была сейчас и у нашего героя... Он хоть и подвел черту, но умирать не собирался.

Глава 7

Роман проснулся как обычно в 7 часов. Тут же он вспомнил вчерашний день. А вчера целый день был ажиотаж по поводу его сочинения. Он уже начал бояться, что шутка его зашла слишком далеко. Только и разговоров по школе, что лучший компьютерщик, будущий знаменитый программист, вдруг круто изменил ориентацию и норовит стать медицинским светилом. Стало это известно и Олегу, младший брат которого был одноклассником Романа.

– Что, вот так и написал, что хочет полностью удариться в медицину?

– Не просто хочет, а у него уже, якобы, есть проекты по излечению рака и СПИДа. Ему только не хватает некоторой теоретической подготовки.

Олег видел: с каким ехидством брат говорил о своем товарище. Он ему завидовал, как завидовали и все остальные. Олег прекрасно знал Романа, который несколько раз бывал у них дома. И лично он ему не завидовал, но всё равно грыз какой-то червь: но не может быть у одного и того же человека и материальная обеспеченность на грани богатства, и красота, и отменное здоровье, и бешенная популярность у сверстников. Но что-то должно быть не так... И он уже почти знал, что лучшего донора не найти. Но как это сделать, чтобы комар носа не подточил. Чтобы он, Олег, в глазах общественности был не убийцей, а наоборот, спасителем. И если эксперимент удастся и маленький Роман действительно станет медицинским светилом, то это не у кого не вызовет подозрений. И это сочинение, и этот ажиотаж весьма кстати.

Тем временем Роман умылся, позавтракал и отправился в школу. Вот уже четвертый день он был в центре внимания, изучения и насмешек. Настолько убедительным было сочинение, настолько регулярно учителя читали его в своих классах как образец, что Роман был в смятении: то ли раз и навсегда поставить точку в этой комедии, то ли повиноваться событиям, как бы они не складывались.

– Привет, Ромка, можно записаться к тебе в очередь на консультацию. У меня что-то сердце побаливает?

– Ром, а Ром, неужели ты действительно забросил информатику? – Спрашивали девчата, которые уже давно были к нему неравнодушны.

Наступал классический философский момент перехода количества в качество. Наш красавчик постепенно углублялся в мысли – а почему бы и нет? Ему вдруг представилась его жизнь, расписанная лет на 20 вперед: институт, потом работа у отца на побегушках, потом творческий конфликт отцов и детей и, наконец, фирма становится твоей, когда тебе 60, потому что умер 80-летний отец.

Роман недавно прочитал книгу о Карле Марксе, кажется, Галины Серебряковой. Из неё он узнал, что Маркс был очень одаренным человеком в разных науках, особенно в математике. И, если бы его не угораздило податься в революционеры с его утопической коммунистической теорией, то он бы стал гениальным математиком, ну скажем, на уровне Лобачевского.

«А кто сказал, что компьютер – это моя путеводная звезда?» – думал Роман. Медицинские открытия, вот моя судьба и моя жизнь. Легче всего идти по проторенному пути. А вот бросить вызов, отцу, общественности – это поступок. Может я, как Маркс, талантлив во многом, но в отличие от него я не сделаю ошибки в выборе пути. А друзья, если их можно так назвать, ехидничают потому, что видят мои колебания, мою неуверенность. Баста, ломать так ломать, дерзать так дерзать. Пройдет месяц-другой, и моя уверенность будет уже вызывать уважение».

Глава 8

Олег сидел напротив Романа и смотрел на него непонятым взглядом.

– Очень хорошо, что ты решил стать моим коллегой. Если бы ты знал, какие грандиозные планы у нашего профессора, на пороге каких открытий он стоит, ты бы уже сейчас присоединился к нам и внес свою лепту. А окончишь институт, тут тебе и карты в руки: кандидатская почти готова, да что там кандидатская, это только трамплин. Не будешь вылезать из заграничных командировок – доклады, симпозиумы, а, главное, – новые эксперименты и постоянный поиск.

– А что, что? Какое направление, о чем конкретно идет речь? – загорелся Роман и подвинулся поближе к Олегу.

– Об этом я могу тебе рассказать только с санкции Александра Ивановича. Пойми меня правильно, у любой научной теории много врагов или просто недоброжелателей. Твой юный возраст – это хорошо. Но ты сам ещё окончательно не определился, тебя легко переманить, переубедить.

– Напрасно ты так обо мне, – нахмурился Роман. Я должен выбрать перспективу, а не кота в мешке.

– Ну что ж, готовься к аудиенции. Как только у профессора будет свободный час, он нас с тобой примет...

Свободный час случился через два дня. «Заговорщики» всё внимательно обдумали и обстоятельно подготовились к встрече «донора».

– Здравствуй, здравствуй, вот ты какой: высокий, красивый, и, как мне говорили, умный не по годам. Ну, садись, рассказывай, насколько серьёзны твои планы в штурме медицинской науки и насколько ты человек слова и дела.

Профессор был настолько радушный, что последние слова совсем не затронули гордыню собеседника.

– Как бы полон сил я ни был, продолжал Александр Иванович, но ученый, только в том случае настоящий ученый, когда имеет учеников и последователей. И чем моложе эти ученики, тем дольше будет вынашиваться наша идея.

Роман хотел что-то спросить, что-то вставить, но собеседник повел разговор не в форме диалога, а в форме монолога. И цель этого монолога была одна: подавить всякие сомнения у мальчика, подчинить своей воле.

– Скажи, Роман, а как твои родители отнесутся к твоему выбору? Ведь отец спит и видит тебя программистом. Кому же он передаст свое дело?

– А кто меня спрашивал насчет того, что я хочу? Но я не думаю, что родители очень огорчатся, если я им докажу, что на другом поприще я достигну больших высот. А что касается фирмы, так будет же у моей сестры муж – вот ему и карты в руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.